

Геннадий Васильевич Осипов:
социологический анализ перестройки и реформирования России

В социальном и культурном катаклизме, пережитом Россией за последние двадцать лет, академик Г.В. Осипов занял позицию, совершенно необычную для представителя высшей научной элиты и даже вообще для ученого. Пользуясь своим статусом и заслуженным в науке престижем, он стал говорить *правду* – правду своего знания и совести.

Эта правда противоречила «линии партии» - и М.С. Горбачева, и Б.Н. Ельцина. Это значит, что в условиях большой политической неопределенности, даже в тот момент, когда от танковых залпов горел парламент, Г.В. Осипов поставил свой долг ученого и гражданина гораздо выше не только своего положения в социальной иерархии, но и выше своей личной безопасности¹.

Сейчас, когда страсти тех лет утихли, и стал возможен осторожный конструктивный диалог между бывшими оппонентами и противниками, мы можем рационально осмыслить этот факт как явление культуры и извлечь из него знание экзистенциального и методологического характера. Это явление редкое, его надо изучать – без сентиментальности и без морализирующих штампов, в познавательных целях.

Суть «дела Г.В. Осипова» в общих чертах известна обществоведам старшего поколения, которые были профессионально вовлечены в процессы перестройки и реформы в 1985-2000 годы. Что в этом деле необычно? Ведь многие специалисты к 1988 году тоже пришли к выводу, что доктрина перестройки и последующей реформы основана на ряде фундаментальных ошибок и неминуемо поведет к национальной катастрофе и массовым страданиям населения. Но они не могли изложить свои выводы и аргументы не только обществу, но и узкому научному сообществу. «Гласность» наложила табу на гласное обсуждение социальной реальности и особенно на дискуссии о методологических основаниях самой перестройки².

Из числа ученых высшего ранга, голос которых было бы трудно замолчать, видимо, сравнительно немногие разделяли скептические и тем

¹ Американские эксперты, работавшие в России (Эмсен и др.) пишут в своем докладе: «Тем экономистам в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе, которые возражали против принятых подходов, навешивали ярлык скрытых сталинистов» [4]. В те годы этот ярлык означал занесение человека в черный список и был едва ли не опаснее, чем ярлык «фашиста».

² Г.С. Батыгин, бывший заместителем главного редактора «Социологических исследований», пишет: «В 1987 г. Главлит СССР потребовал снять из статьи, предназначенной для опубликования в журнале «Социологические исследования», тезис о неэффективности свободного рынка в высокоорганизованной экономике. Это означало, что идея централизованного социалистического планирования уже не соответствовала цензурным требованиям» [2, с. 89].

более критические выводы относительно перспектив перестройки – но все же такие немногие были. Однако все они за исключением Г.В. Осипова *промолчали*. Мы не говорим об ученых-«естественниках», как, например, В.А. Коптюг. Их аргументы отводились по причине «некомпетентности».

Вряд ли можно упрекнуть тех, кто промолчал, их поведение отвечает *социальной норме*. На каждом из них действительно лежала ответственность (за свой институт, за свою научную школу, за аспирантов, наконец, за свою персону, представляющую большое национальное достояние).

Но один из высшей иерархии отечественной социологии – Г.В. Осипов - вышел и сказал то, к чему обязывало его научное знание. Высказал ясно, без обиняков и экзальтации. Он сказал это не как *политик оппозиции* (их немало было и среди ученых). Политики шли тогда «по другой части», их голос воспринимался как выражение какого-то «партийного интереса», в тот момент в нем не чувствовалось *откровения*. Г.В. Осипов говорил и не как ностальгирующий консерватор, переживания которого тогда воспринимались со злорадством или с сочувствием, но не как источник знания. Напротив, Г.В. Осипов был одним из тех социологов, которые предупреждали о необходимости реформ³.

Более того, в свой критический анализ доктрины реформ он ввел исключительно важное методологическое ограничение, которым пренебрегли политики оппозиции. Он говорил именно о принципиальных программных *ошибках* реформы, абстрагируясь от бросающихся в глаза побочных факторов (корыстного или преступного интереса). Г.В. Осипов предупреждал: «Речь не идет о тех решениях, которые в результате лоббирования принимаются государственными органами России в интересах определенных социальных групп и личностей и явно или латентно направлены на ущемление интересов значительной части народа России»⁴.

Действительно, о действиях реформаторов до конца 1998 г. можно было сказать: «Это хуже, чем преступление, это ошибка». Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц дал такую оценку этим действиям: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту» [7]. Никакой самый коррумпированный правитель не будет в здравом уме так вести дело.

³ Сам он вспоминает: «Были проведены репрезентативные исследования в Азербайджане, Горьковской и Днепропетровской областях, в ряде автономных республик. На их основе в 1983 г. была подготовлена и направлена в ЦК КПСС обстоятельная докладная записка. В ней было показано, как и почему у нас произошла деформация идей социализма, и обосновывалась необходимость серьезных социальных реформ».

⁴ В этой статье мы не приводим ссылок на труды Г.В. Осипова, из которых взяты приведенные выдержки. Общее число трудов велико, библиография дана в Приложении. В большей степени теме данной статьи посвящена книга Г.В. Осипова «Социология и политика» (М., 1995) и «Социология и общество: социологический анализ российской смуты» (М., 2007).

Масштабы расхищения народного хозяйства России за 90-е годы с вывозом похищенных средств за границу оценивают (очень приблизительно) в 300 млрд. долларов. Но урон стране, нанесенный действиями, которые парализовали хозяйство, в десятки раз больше. Провал в инвестициях омертвил огромные производственные мощности и привел к разрушению основных фондов. Если представить себе, что инвестиции в основные фонды России были заморожены на уровне 1990 г., то «недовложение» инвестиций за 1991-2006 гг. составило 86,2 триллиона руб. в ценах 2005 г. или, по курсу января 2005 г., 2,98 триллиона долларов. Это около 3,5 триллиона долларов по курсу начала 2008 года.

Таким образом, уйдя от политизации проблемы и от критики частных, беря лишь программные принципы доктрины реформ, Г.В. Осипов имел все основания выступить как действительно беспристрастный ученый эксперт. И он эту уникальную возможность не упустил. Это наблюдается очень редко в каждом поколении.

Даже если бы его выводы были ошибочны, этот шаг оказал огромное отрезвляющее воздействие на всю научную элиту (а через нее и на интеллигенцию в целом), а также на политическую элиту того времени, которая тоже принадлежала к интеллигенции. Мы не можем измерить, как велико было это воздействие и насколько ниже мы бы упали в 90-е годы, если бы *ни один* столь авторитетный социолог не сказал такого слова. Я лично считаю, что своим шагом Г.В. Осипов сохранил ту ниточку преемственности отечественной гуманитарной науки, которая дает нам шанс вновь собрать ее профессиональное сообщество.

Но дело в том, что его выводы *не были ошибочны*. Более того, они были *провиденчески* верны. На первых этапах перестройки Г.В. Осипов, участвуя в дебатах, еще следовал, на мой взгляд, некоторым иллюзиям при оценке ранга грядущих срывов (все мы тогда следовали иллюзиям, всем хотелось надеяться на лучшее). Но уже в первых своих официальных критических докладах (1989) он пришел к удивительно точному структурному видению и точной мере. Он с коллективом социологов, которые вокруг него собрались для этой работы, как будто освоили большой корпус аналитических материалов, которые тогда готовили по конкретным вопросам многие специалисты. Но этого не могло быть, эти материалы никто не собрал воедино, а специалисты, которые их готовили, были развеяны уже в 1991 году, и их следа не осталось⁵.

⁵ Мимоходом отмечу поразительную, инфантильную расточительность власти в 90-е годы. В 1989-1991 гг. множество научных работников, инженеров, управленцев, криминалистов и пр., предвидя бедствие, лихорадочно вели анализ состояния всех систем, описывали характер ожидаемых сбоев и отказов, способы их предотвращения или ликвидации последствий. Они работали бескорыстно и без каких-либо амбиций, чтобы оставить преемникам хоть краткие инструкции. Это был большой подвижнический труд, совокупность этих записок и докладов – национальное достояние. Весь его отвергли и, похоже, уничтожили, причем, с неприязнью.

В короткой статье невозможно дать ни полного структурного изложения представлений Г.В. Осипов о доктрине и практике российских реформ, ни хронологии развития этих представлений. Реформа – *большая система*. Число ее элементов и связей, относительно которых Г.В. Осипов высказал свои суждения как социолог и философ, огромно. С какими-то из этих суждений сегодня, с вершины нашего опыта двух десятилетий, можно дискутировать, и это будет полезно. Но суть не в этом.

В условиях большой неопределенности, общего когнитивного хаоса, в потоке противоречивых немыслимых событий Г.В. Осипов выстраивал *порядок*. Он заново создавал мировоззренческую матрицу, на которой мог складываться *проект* преодоления этой Смуты. Более того, совокупность текстов Г.В. Осипова, его выступлений, рабочих бесед, высказанных вскользь идей, была материалом, из которого складывался, уже многими людьми, тот фундамент социального знания, на котором могла начаться консолидация расколотого общества. Точнее, его критической массы.

Камни этого фундамента, конечно, не были отшлифованы и даже не всегда были хорошо отесаны. Но они были умело отобраны и подходили друг к другу. Суть труда Г.В. Осипова была в том, что он из всей социальной реальности, из «бытия и сознания», отобрал то главное, из чего составил *вектор*. Этот вектор и тот образ будущего, к которому он был направлен, соответствовал *чаяниям* подавляющего большинства граждан России.

И, поверх сумятицы расхожих мнений, несовместимых желаний и утопий, деградации языка и логики Смутного времени этот вектор стал *собирать* общество. Он дал нить разумной мысли о желанном и возможном для народа на брэнной земле. В любой Смуте это тот момент, который делает возможным благоприятный исход, во многом определяет судьбу. Необходимые для возрождения дееспособного народа духовные потоки (религиозного мироощущения и рационального знания, художественного чувства и коллективной памяти) соединяются – и хаос отступает.

Семь лет «шоковой терапии» нанесли по России удар такой силы, что шансы пережить его были невелики. Сегодня мы видим, как тяжело переживает Европа снижение ВВП в 2-3%. Что произошло бы с западным обществом при спаде в два с лишним раза, при снижении доходов населения в три-четыре раза? Россия выстояла благодаря большим культурным ресурсам, прочности созданных в советское время систем и тому «молекулярному» сопротивлению, которое корректировало или компенсировало действия реформаторов.

Это было тихое сопротивление на всех уровнях общества, без видимой организации. Но ему требовались язык и логика для низовой коммуникации и координации. Вклад Г.В. Осипова в создание такого языка и такой логики, адекватных структуре поразившего Россию кризиса, очень велик. Доклады ИСПИ РАН, которые публиковались каждые полгода очень малым тиражом (1000 экз.), конечно, не доходили непосредственно до массового читателя. Но в развитом образованном обществе существует сеть каналов, в которых

сообщение «размножается» по закону цепных процессов. Так оно и было, масса людей получала информацию из этих докладов, даже не зная, откуда эти данные, идеи, аргументы.

Не будем пытаться дать здесь обзор этих идей, аргументов и выводов. Это означало бы описать в динамике сложное взаимодействие больших систем: с одной стороны, реформируемое советское и затем российское общество и его «отражение» в сознании интеллектуальной и политической элиты реформаторов; с другой стороны, представление Г.В. Осипова и его соратников об обществе и о «совершаемой над ним» реформе.

Я лишь скажу об этом взаимодействии как о столкновении двух принципиально несовместимых *когнитивных систем*. Его драматизм определяется уже тем, что длительное время до перестройки представления об обществе Г.В. Осипова и большинства его коллег-социологов были, в главном, совместимы. Все они входили в одно научное сообщество и были связаны личными профессиональными связями. Тот факт, что перестройка расколола это сообщество и его расходящиеся части заняли взаимоисключающие позиции, показывает, что под вопрос были поставлены фундаментальные проблемы *бытия* России (СССР). Когнитивные расхождения, конечно, и раньше вызревали в «инкубационной» фазе, а перестройка вывела их из латентного состояния и быстро сдвинула в пороговую область.

Те, кто это пережил, знают, как трудно расходились тогда коллективы друзей и коллег, как трудно давались им попытки совместного подведения итогов после 1993 года, после 1995 или 1998 годов. Труднее представить себе чувства тех, кто решался выступить против ближайших коллег и многолетних соратников-ровесников почти в одиночку. Это труднее, чем против начальства или даже власти. Тут приходилось очищать свою познавательную платформу «прокаливанием». Так устранялись иллюзии, двусмысленности, «идолы» *рынка, театра и площади*.

Г.В. Осипов вспоминает этот период очень скупо. В одной беседе он сказал: «На Партбюро Института социологии В.А. Ядов даже сделал заявление, что «Институт будет работать на Горбачева». ... Когда на партбюро было заявлено, что Институт социологии будет работать на М.С. Горбачева, я сразу же отмежевался от этого тезиса, сказав, что *работал и буду работать на науку*». Это формулы двух разных познавательных систем, притом, что В.А. Ядов – умнейший человек и выдающийся социолог. То же самое можно сказать о Т.И. Заславской и Ю.А. Леваде. И вот, действуя в разных познавательных системах, они стали по главным вопросам высказывать суждения, несовместимые с суждениями Г.В. Осипова.

В политической плоскости эти расхождения трансформировались в программные принципы реформы с одной стороны, и в принципиальные положения критики реформы, выдвинутые Г.В. Осиповым, с другой стороны. Сравним ряд таких оппозиций. Не исчерпывая всего перечня главных проблем, перед которыми оказалась Россия в результате поворота 90-х годов,

они дают представление о структуре социологической картины реформы и ее последствий, созданной Г.В. Осиповым. Эта картина актуальна и сегодня, ибо маховик процессов, раскрученных за те годы, еще не остановлен, а лишь приторможен.

1. Стратегия реформы. Как говорилось, в интеллектуальной и политической элите СССР, как и в обществе в целом, к середине 80-х годов сложилось общее мнение о необходимости глубоких реформ, которые привели бы политические, социальные и культурные формы жизнеустройства в соответствие с изменившимися потребностями и возможностями общества.

Однако когда этот вопрос был практически поставлен в национальную повестку дня, стали быстро нарастать противоречия.

К 1988 г. в кругах правящей элиты созрела, как это ни парадоксально звучит, концепция «реформирования посредством слома».

Вот как характеризовала суть перестройки академик Т.И. Заславская в книге-манифесте «Иного не дано» (1988): «Перестройка - это изменение типа траектории, по которой движется общество... При таком понимании завершением перестройки будет выход общества на качественно новую, более эффективную траекторию и начало движения по ней, для чего потребуются не более 10-15 лет»⁶.

В 1989 г. она уточняет: «Предстоящее преобразование общественных отношений действительно трудно назвать иначе, как относительно бескровной и мирной (хотя в Сумгаите кровь пролилась) социальной революцией. Речь идет о разработке стратегии управления не обычным, пусть сложным, эволюционным процессом, а революцией, в корне меняющей основные общественно-политические структуры, ведущей к резкому перераспределению власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами» [3].

Г.В. Осипов отвергает революционный слом жизнеустройства страны в принципе: «Надо не разрушать то, что было построено самоотверженным трудом миллионов людей, а, опираясь на все лучшее, на достижения науки, добиться реальных успехов в развитии советского общества».

Как показали большие социологические опросы 1989-1990 г., большинство населения страны поддерживало именно идею *надстраивания* новых экономических форм на уже созданный фундамент хозяйства и социальной сферы – без разрушения несущих конструкций и культурных устоев.

Реформаторы и их западные наставники, напротив, ставили целью *демонтировать* страну ее народ и «собрать» их заново на совершенно иных основаниях. «Архитектор перестройки» академик А.Н. Яковлев назвал

⁶ Сам М.С. Горбачев говорил: «На то и революция, чтобы ломать отжившее, застойное, все то, что мешает быстрому движению вперед. Без ломки не расчистишь площадку для нового строительства. Вот и перестройка означает решительную, крутую ломку».

грядущую реформу *Реформацией России* – по аналогии с протестантской Реформацией в Западной Европе. Это страшная утопия колоссального масштаба.

2. Целеполагание реформы. За утверждением Т.И. Заславской о перестройке как революции стояли вещи *экзистенциального* уровня. Сказано, что население и страну ждет не улучшение каких-то сторон жизни, а изменение *всех сторон* общественного и личного бытия. Казалось бы, поставлена фундаментальная проблема и следующим шагом будет сказано, какие антагонистические противоречия требуют для своего разрешения *революции*, каковы ее движущие силы, какой общественный строй возникнет после этой революции. Но нет, разговор велся на уровне деталей бытового характера.

Из дискурса перестройки была исключена сама категория *исторического выбора*, равноположенная категории *революции*. Эту категорию Г.В. Осипов вернул в «повестку дня». Он квалифицирует ситуацию в стране на исходе перестройки очень жестко: «Смутное время, спровоцированное безволием, амбициями, предательством национальных интересов руководством КПСС, снижением уровня и качества жизни народа, сепаратистскими действиями этнократии вновь поставило Россию перед *жизнеопределяющим выбором*».

Сейчас, в общем, все видят, что речь шла именно об историческом выборе, от которого общество отвлекли средствами политического театра – в массовое сознание внедрили целый сонм *идолов*. Г.В. Осипов предупредил, что это – не просто нарушение элементарных норм политической культуры, это тяжелое нарушение прав нации. Он писал: «Для России традиционны вопросы: во имя чего существует общество и государство, зачем живет человек, ради какой цели, что он должен делать? Народ, безусловно, хочет иметь четкое представление о том, куда идет общество и каким оно будет»⁷.

Напротив, само понятие *целеполагания* было полностью исключено из лексикона перестройки и реформы. Более того, от общества скрывались самые общие черты того жизнеустройства, которое планировала создать политическая верхушка и ее интеллектуальная бригада. В интервью 2003 г. академик РАН А.Н. Яковлев говорит: «Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Я сам грешен - лукавил не раз. Говорил про «обновление социализма», а сам знал, к чему дело идет... Есть документальное свидетельство - моя записка Горбачеву, написанная в декабре 1985 года, то есть в самом начале перестройки. В ней все расписано... Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано. Мне кажется, он не думал, что с советским строем пора кончать» [5].

К этому трудно что-либо добавить.

⁷ Стоит напомнить, что вопрос о целеполагании перестройки М.С. Горбачеву прямо задал писатель Юрий Бондарев: «Вы подняли в воздух самолет, а куда садиться-то будете?» Ответа не было, но какую же ненависть вызвал Ю. Бондарев у либеральной элиты!

В ряде докладов Г.В. Осипов настойчиво обращает внимание на недопустимость *мистификации будущего*, в которой, кстати, принимает участие и часть ученых-обществоведов. Утаивание целей реформ и искажение образа будущего имеет, по его словам, неизбежным результатом «не только *отчуждение* народа от государства, но и отношение народа к государству как чуждой, если не враждебной ему внешней силе». Социологический анализ предсказывал тот глубокий кризис легитимности, который пережило российское государство в 90-е годы. Г.В. Осипов предупреждал: «Нельзя ожидать ничего путного от людей, живущих в обществе социальной неопределенности и риска».

Именно создание обстановки неопределенности и риска стало одной из важных политических технологий перестройки, а затем и реформы. В упомянутом выше интервью А.Н. Яковлева спросили о программе перестройки. Он отвечает: «Интересно, как вы себе представляете “план перестройки”? Это что, перечень мероприятий, утвержденный на политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ? Такого плана действительно не было и быть не могло. Того, кто его предложил бы, тут же поставили бы к стенке» [5].

Это и есть мистификация, создающая театр абсурда. Почему же, если бы М.С. Горбачев предложил “перечень мероприятий, *утвержденный на политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ*”, то его “тут же поставили бы к стенке”? Кто бы его поставил к стенке, если КГБ этот перечень изучил и завизировал? С другой стороны, А.Н. Яковлев признает, что план перестройки существовал, причем его главное содержание таково, что если бы он стал достоянием гласности, то авторов его *тут же следовало бы поставить к стенке*, это кажется самому А.Н. Яковлеву логичным.

3. Типология кризиса России 90-х годов. Первым документом, в котором на основании проведенных исследований был дан системный анализ результатов перестройки, стал доклад «Социальная и социально-политическая ситуация в СССР в 1989 г.: состояние и прогноз». Документ был представлен в правительство и Президенту СССР. На ход политических событий он повлиять уже не мог. Важно, что *прогнозы, сделанные в 1989 г., в основном подтвердились*. Методология была верной и затем она применялась в подготовке регулярных аналогичных докладов уже о ситуации и тенденциях ее развития в Российской Федерации⁸.

Первый такой доклад («Разрушение социально-политической системы») был сделан Г.В. Осиповым 11 февраля 1992 г. на заседании Президиума Российской Академии наук.

⁸ Г.В. Осипов вспоминает о том этапе: «После прихода к власти Б.Н. Ельцина мы по-прежнему каждые полгода проводили специальное исследование социально-политической ситуации, складывающейся в результате политики нового Президента РФ. Полученные данные составили десять томов».

В докладе сказано: «Основное содержание этого периода [1989-1991] можно определить как ускоренное перерастание системного кризиса, в который страна вступила в конце 1988 г., в *катастрофу*. Главная черта катастрофы — социальная и социально-политическая дезинтеграция бывшего Союза, входящих в него республик и, в первую очередь, Российской Федерации».

Здесь введено понятие *системного кризиса*, перерастающего в катастрофу. Г.В. Осипов перечисляет ключевые аспекты общего кризиса: «Социальный кризис охватил все сферы жизнедеятельности общества — производственную и бытовую, экологическую и демографическую, национальную и этническую, политическую и идеологическую... Групповой и национальный эгоизм становятся нормами социального поведения. Расширились сферы криминального и девиантного поведения, которое затрагивает почти все слои населения. Приобрела организованный характер преступность».

Доклад в целом описывает кризис необычного типа – *всеобщий*. От него не ускользнула ни одна система, ни одна социальная группа, включая тех, кто обогатился в условиях хаоса. Структура докладов, которые стал готовить ИСПИ РАН, включала все основные блоки, формирующие общественное бытие страны, даже криминальную сферу⁹.

Тогда это была принципиально новая постановка вопроса. Позже, в 1998 г., известный американский советолог С.Коэн писал: «Проблема России состоит в беспрецедентно всеобщей экономической катастрофе в экономике мирного времени, находящейся в процессе нескончаемого разрушения... Катастрофа настолько грандиозна, что ныне мы должны говорить о не имеющем прецедента процессе - буквальном демодернизации живущей в XX веке страны».

Сейчас понятие системного кризиса стало привычным, хотя оно далеко еще не освоено и часто применяется бездумно. В последующих докладах Г.В. Осипов несколько раз подчеркивал важный смысл, который обычно упускается из виду. Говоря о системном кризисе, как правило, делается упор на *элементах* системы, на их ослаблении, деформации или разрушении. Однако не менее важно повреждение или разрыв *связей* системы. Более того, связи оказываются наиболее уязвимой частью систем, на них и направлены первые удары. И уже в докладе 1992 г. сказано: «Главная черта катастрофы — *дезинтеграция...*».

Процессы дезинтеграции в ходе кризиса 90-х годов охватили все системы, но, видимо, самый тяжелый урон понесли человеческие общности – как социальные, так и этнические. Это проявилось в деклассировании, распаде многих профессиональных сообществ и «разрыхлении» связей, соединяющих людей в народы, а народы – в систему межнационального

⁹ В докладе сказано: «Уголовные правила ведения дел становятся общественной нормой. Криминальная экономика сформировала мощное политическое лобби во всех эшелонах власти и управления».

общежития, какой является Россия. Г.В. Осипов дал жесткую общую формулу: «Все реформы реакционны, если их осуществление ведет к социальной, моральной и физической деградации человека, к распаду социальных связей».

После того доклада ряд обществоведов, входящих в «интеллектуальную бригаду» реформ, назвали Г.В. Осипова и его сотрудников «катастрофистами», что их доклады – это фантазии на тему «Россия во мгле». Разве не удивительно – квалифицированные экономисты и социологи как будто вдруг утратили *средства познания реальности*. Достаточно было взглянуть на динамику десятка натуральных показателей, чтобы сделать вывод о срыве в катастрофу.

Что говорить, если Президент В.В. Путин, который декларировал «продолжение курса реформ», признал, что Россия переживает последствия распада СССР как «геополитической катастрофы». А в Послании Президента 2004 года В.В. Путин говорит: «С начала 90-х годов Россия в своем развитии прошла условно несколько этапов. Первый этап был связан с демонтажем прежней экономической системы... Второй этап был временем расчистки завалов, образовавшихся от разрушения “старого здания”... Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала”.

То, что в начале 90-х годов представлялось обществу как *модернизация* отечественной экономики, на деле оказалось ее *демонтажем*, причем грубым, в виде *разрушения* “старого здания”. А потеря «почти половины экономического потенциала для любой страны квалифицировалась бы как катастрофа.

Категория российского кризиса, предложенная Г.В. Осиповым, была адекватной и необходимой. Такие предупреждения даром не проходят, как бы самонадеянно к ним ни относились правители.

4. Квалификация России как объекта реформирования. Сейчас у многих стерлась из памяти одна из принципиальных установок реформы 90-х годов, заданная уже в перестройке – радикальный *евроцентризм*. Целью реформ было декларирование «возвращение в лоно цивилизации». При этом интеллектуалы, которые давали политикам-реформаторам язык и лозунги, разделились на две группы. Одна из них отвергала статус России как цивилизации, даже вступая в противоречие с виднейшими мыслителями самого Запада (такими как Тойнби или Шпенглер). Например, А.Н.Яковлев утверждал: «Частная собственность - материя и дух цивилизации. На Руси никогда не было нормальной частной собственности».

Другая группа сетовала на то, что Россия обладает признаками цивилизации, но это цивилизация неправильная, что и затрудняет реформу. Советник Ельцина философ А.И. Ракитов писал: «Трансформация российского рынка в рынок современного капитализма требовала новой цивилизации, а следовательно, и радикальных изменений в ядре нашей

культуры... Было бы очень просто, если бы переход к этой цивилизации и этому рынку осуществлялся в чистом поле. Ведь переход от нецивилизованного общества к цивилизованному куда проще, чем смена цивилизаций. Последнее требует иного менталитета, иного права, иного поведения, требует замены деспотизма демократией, раба - свободным производителем и предпринимателем, биологического индивида - индивидом социальным и правовым, т.е. личностью. Подобные радикальные изменения невозможны без революции в самосознании, глубинных трансформаций в ядре культуры» [6]¹⁰.

В те годы сказать даже в толерантном интеллигентном собрании что-то о цивилизационной самобытности России или, боже упаси, о ее национальных интересах означало получить ярлык «красно-коричневого», а то и вызвать самый примитивный скандал. Бывали инциденты просто гротескные.

Трудно утверждать наверняка, но думаю, что первым крупным российским ученым-обществоведом, который после 1985 г. не в кулуарах, а в официальном документе, внятно заявил о том, что Россия является *цивилизацией*, был Г.В. Осипов. Это положение было одним из ключевых во всей «аналитической программе» Г.В. Осипова. Он его развивал во многих докладах и текстах 90-х годов. Это положение позволило ему соединить в своей картине реформ цивилизационный и формационный подходы, что резко расширило познавательные и объяснительные возможности анализа. К середине 90-х годов и в России, и на Западе фактически был принят тезис о том, что глубина российского кризиса вызвана наложением попытки цивилизационного слома на попытку социально-экономической (формационной) трансформации.

Это превратило наш кризис в уникальный объект для социологии, истории, культурологии. Дж. Стиглиц также заметил, как экономист: «Россия представляет собой интереснейший объект для изучения опустошительного ущерба, нанесенного стране путем «проведения приватизации любой ценой» [7]. Но главное, что признание цивилизационного статуса России сразу наложило бы запрет на главные методы реформы 90-х годов. Они стали бы выглядеть как оружие геополитической цивилизационной войны против России.

Г.В. Осипов писал в докладе 1995 г.: «Вхождение России, т. е. евразийской цивилизации, в цивилизацию западноевропейскую абсурдно.

¹⁰ Какие только метафоры не придумывали, чтобы подавить в людях сомнения. Вот, читаем в «Вопросах философии» (1993): «Перед Россией стоит историческая задача: сточить грани своего квадратного колеса и перейти к органичному развитию... В процессе модернизаций ряду стран второго эшелона капитализма удалось стесать грани своих квадратных колес... Сегодня, пожалуй, единственной страной из числа тех, которые принадлежали ко второму эшелону развития капитализма, и где колесо по-прежнему является квадратным, осталась Россия, точнее территория бывшей Российской империи (Советского Союза)».

Это равносильно тому, чтобы попытаться втиснуть великана в костюм карлика... Вестернизация традиционных самобытных ценностей представляет главную угрозу потери цивилизационной идентичности, которую, в отличие от экономики и политического веса, восстановить невозможно». Это положение сразу переводило когнитивный конфликт в политическую плоскость. Но слово было сказано, и очарование евроцентризма уже теряло свою силу.

Введение понятий цивилизационного подхода дало важные аргументы для позитивных тезисов Г.В. Осипова. Ему удалось соединить социальное с национальным и экономику с государственным строительством. «Без представления о национально-государственных интересах и целях, без понимания исторической судьбы России народу выжить в современном мире нельзя, невозможно сохранить самобытность и самостоятельность, свою евразийскую цивилизацию... России необходима целостная система консолидации общества и укрепления государственности. Такая система должна противостоять разрушительной концепции «вхождения» России в мировую цивилизацию», - писал он¹¹.

Новым смыслом наполнялось и утверждение о «предательстве национальных интересов руководством КПСС». Оно становилось уже предупреждением «западникам» 90-х годов, в том числе тем идеологическим работникам СМИ, которые вели пропаганду идеи, что «Россия должна отказаться от участия в евразийской цивилизации и влиться в цивилизацию западную, принять ее стандарты, ценности и нормы». Мы помним, что накал этой пропаганды после 1996 г. был слегка снижен, что сразу ослабило и напряженность в обществе.

Развитие этих положений в следующих докладах касалось геополитического аспекта. Г.В. Осипов писал: «Евразийский цивилизационный подход к разработке стратегии вхождения России в мировое сообщество делает ее «центром силы», притягивающим к себе сходных по интересам союзников».

Отсюда выводилась и важная мысль относительно доктрины *нациестроительства* в постсоветской России. Г.В. Осипов показывал, опираясь на социологические аргументы, что вызванный социальным и культурным кризисом *этноцентризм* создает для России риск оказаться в тупике этнического национализма, к которому подталкивали и подталкивают влиятельные «антиимперские» силы. Он писал: «Сила России в ее союзе с исторически близкими ей народами и государствами. Это не просто союз, а

¹¹ Из этого Г.В. Осипов выводит и важное следствие формационного характера. Исходя из очевидного факта назревающего кризиса индустриализма и перехода к постиндустриальному обществу, он заключает о сдвиге к неолиберализму на исходе перестройки: «Перед Россией при этом остро не стоял вопрос о необходимости вхождения в так называемую западную цивилизацию, поэтому не надо было включаться в капиталистические отношения, усугубляя тем самым и без того тяжелое положение. Принятая модель возврата к капитализму — это регрессивная модель».

исторически сложившаяся общность, социальные связи и т.д., которые необходимы и тем, и другим»¹².

В другом месте отметил: «Надэтническая идея евразийства выступает движущей силой обновления российской цивилизации». Это – едва ли не самая актуальная проблема для России на первую четверть XXI века. Успех или провал усилий по строительству гражданской полиэтнической нации России с русским народом в качестве ее системообразующего ядра надолго определяют судьбу России как цивилизации, как независимой страны и как большой мировой культуры.

Анализ цивилизационного «среза» реформы приводит Г.В. Осипов, в общем, к оптимистическому выводу: «В российском обществе осталось достаточно здоровых сил, чтобы преодолеть наивное стремление неолиберальных реформаторов войти в «цивилизованный мир», в котором российская цивилизация веками по праву занимает достойное место... Какие бы новые драматические испытания ни выпали на долю России, ее **евразийский цивилизационный тип** обладает жизнестойкостью и динамизмом».

5. Реформа и рациональное знание. Проблему роли социально-научного знания в процессе принятия управленческих и политических решений Г.В. Осипов поставил в самом начале становления советской социологии как науки. Новое развитие эта тема получила в ходе дебатов о типе рациональности, в рамках которой вырабатывалась доктрина перестройки и затем реформы.

Эта тема оказалась настолько многоплановой, что, будучи «экстрагирована» из большой литературы, посвященной российской реформе, составила бы особую актуальную главу в современной социологии знания, методологии и политологии. В этой статье невозможно ни изложить постановку этой проблемы в трудах Г.В. Осипова, ни дать обзор содержательных утверждений. Мы ограничимся лишь перечислением некоторых аспектов этой проблемы, которая «пропитывает» буквально все суждения о доктрине и практике реформы.

¹² Драматизм той полемики, явной или неявной, которая в 90-е годы велась с идеологами реформы, отодвинула в тень многие важные суждения Г.В. Осипова, которые находились на периферии этой полемики. В частности, важной периферийной темой была *легитимность* государства России (СССР). Г.В. Осипов указывал на хрупкость легитимности идеократического государства, которая уязвима даже просто для вопросов, десакрализирующих понятия, не подлежащие обсуждению. Он вспоминает, например: «В своих записках мы неоднократно предупреждали М.С. Горбачева, что устраивать дискуссию по вопросу о том, нужно ли сохранять СССР с политической точки зрения, нецелесообразно. Сама постановка этого вопроса носила провокационный характер. В массовом сознании вопрос о легитимности существования СССР тогда не стоял, а М.С. Горбачев его поставил». Действительно, решение М.С. Горбачева о референдуме было воспринято как *провокация* и вызвало довольно острый конфликт в Верховном Совете СССР.

Можно сказать, что и для интеллектуальных авторов реформы эта тема была едва ли не наиболее неудобной и болезненной, ибо доктрина реформы в большой степени основывалась на «отключении» рационального сознания масс, мифотворчестве и привлечении «идолов театра» - превращении российского общества в «общество спектакля». По этой проблеме диалога с властью на языке жестких понятий в 90-е годы сложиться никак не могло.

Прежде всего, Г.В. Осипов формулирует обязательное условие, при котором допускается реформирование общества: «Анализ реальной социальной и социально-политической ситуации в стране. Принятие системы социальных показателей и индикаторов, позволяющих количественно и качественно измерять эту ситуацию... Выявление реальных причин сложившейся ситуации в ее позитивных и негативных аспектах. Их научная системная классификация». Это – требование, чтобы программа реформ выводилась из надежного *рационального знания*.

Это требование было отброшено уже во время перестройки, причем открыто и принципиально. Академик А.Н. Яковлев сказал в мае 1991 г.: «Серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ брежневизма - точнее, периода 60-х - середины 80-х годов - еще впереди, его даже не начинали» [8].

Если так, то элементарные нормы научной рациональности запрещали давать категорические оценки обществу за целый исторический период 60-80-х годов и тем более требовать его радикальной переделки! Специалист обязан сначала *изучить* объект реформы, провести его «серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ».

Второе ограничение на реформирование общества Г.В. Осипов постулирует так: «Выработка на краткосрочную и долгосрочную перспективу четкой стратегии внешней и внутренней деятельности государства».

Речь идет о функции *целеполагания*. Как говорилось выше, эту функцию отказались выполнять Политбюро КПСС и Президент СССР во время перестройки, сведя ее к лозунгам типа «Больше социализма!» Еще более радикально ушло от этой функции правительство «младореформаторов» в начале 90-х годов, негласно приняв для России программу МВФ.

Третий постулат предписывает принятие программы реформ как общественного договора, выполнение которого контролируется через регулярный диалог власти и общества: «Широкое обсуждение и анализ результатов реализации внешней и внутренней стратегии российского государства». Как известно, в 90-е годы все «площадки» и каналы для такого диалога были ликвидированы, волеизъявление через референдумы (1991 и 1993 гг.) игнорировалось, институт выборов претерпел профанацию, а непрерывные социологические опросы проводились властью как инструмент для прогнозирования риска социального взрыва.

К чему привело нарушение этих обязательных требований, хорошо известно. Г.В. Осипов формулирует результат так: «Это превращает страну и народ в объект безответственных и некомпетентных социальных экспериментов. Социальное мифотворчество и социальная психопатология, в конечном счете, привели к тому, что перестройка потеряла изначально разумный смысл, завела общество в тупик, обернулась смутным временем, чреватым межгосударственными, гражданскими, межнациональными и религиозными конфликтами и войнами».

Было нарушено и требование, которое вытекало из большой неопределенности, присущей реформированию социальных структур – принимать решения как выбор из нескольких альтернатив, чтобы можно было через обратные связи корректировать ход изменений, сводя к минимуму социальные издержки. Приводя индикаторы, говорящие о нарастании кризисных явлений, Г.В. Осипов отмечал: «Положение усугубляется тем, что стремительная ломка старых форм осуществляется в ряде случаев без предварительной разработки возможных последствий и выдвижения альтернатив».

Но это происходило не «в ряде случаев», а было нормой. Поскольку уже с начала реформ сама идея творческого генерирования альтернатив была отмечена под совершенно иррациональным лозунгом «*Иного не дано*».

Второй уровень требований к программированию реформ, которые формулирует Г.В. Осипов, предполагает расширение системы знания, на котором должна быть основана доктрина: необходим синтез рационального знания с базовыми ценностями данной общества, а также с традициями, отложившимися в коллективном бессознательном народа. Он пишет: «Управление обществом, в том числе и научное, всегда осуществляется в соответствии с определенными ценностями... Возникает вопрос: как научное знание, которое мы кладем в основу управления обществом, соотносится с ценностями, жизненно важными для нашего народа, с нашими традициями, культурой?»

Г.В. Осипов предупреждает от соблазна умозрительно сформулировать «ценности» в лабораториях политтехнологов или пытаться внедрить в массовое сознание заимствованные на Западе «общечеловеческие» ценности: «Национальную идею невозможно выработать в лаборатории или кружках философов и политтехнологов. Если применительно к нашей стране она изобретается по западным лекалам, то появиться может только социальный урод. Идеология – результат творчества самого народа, а задача науки – изучить, понять это творчество и точно сформулировать его результат».

Попытка «продать» реформу в противостоянии с укорененными ценностями обрекает ее на неудачу и наносит народу *культурную травму*. Культурная травма – это уже агрессия, средство *войны*, а не *реформы*. По словам П.А. Сорокина, реформа «не может попирать человеческую природу

и противоречить ее базовым инстинктам». Человеческая природа каждого народа - это и есть укорененные в подсознании фундаментальные ценности¹³.

Известно, как обращались с традиционными ценностями народов России реформаторы 90-х годов. Перед выборами президента в 1996 г. ведущие банкиры в открытом письме призвали к компромиссу, который должен был предотвратить якобы неизбежную гражданскую войну. Банкиры со своей стороны пообещали: «Оплевывание исторического пути России и ее святынь должно быть прекращено». Но обещание прекратить «оплевывание святынь» было всего лишь предвыборной риторикой. Прошли выборы, как надо, и телевидение Гусинского спокойно продолжило оплевывание. И в 1998 г. один из тех банкиров, А. Смоленский, признает: «Все последние годы мы воспринимали свою страну, с одной стороны, через отрицание ее ценностей, а с другой, так сказать, через желудок».

Здесь мы не касаемся проблемы социальных индикаторов и показателей, которые Г.В. Осипов и его сотрудники разрабатывали как абсолютно необходимый для проведения реформ инструмент. Надо только отметить важную новацию в понятийном аппарате – введение понятия «*социальная цена реформы*» [1]. Это рациональное понятие, оно может быть выражено измеримыми величинами, критерии пороговых и запрещенных уровней могут вырабатываться или в общественном диалоге или с опорой на авторитет принятой обществом великой идеи. Драма российского кризиса порождена не отсутствием инструментов, а тем, что сама категория социальной цены и ответственности за последствия были исключена из интеллектуального оснащения реформаторов.

Наконец, в годы реформы Г.В. Осипов поднял огромную тему, связанную с проблемой рациональности – *социальное мифотворчество*. Эта проблема имела фундаментальное значение и в годы перестройки, и в 90-е годы, но она сохраняет свою актуальность и сегодня. Более того, с наступлением «рациональности постмодерна» актуальность этой темы, скорее всего, будет расти. Мы наблюдали эффективность современных технологий мифотворчества вблизи, на постсоветском пространстве, во время «оранжевых» революций в Грузии и на Украине. В «экспериментальном» режиме кампании такого «оранжевого» мифотворчества практикуются и в России. Создание эффективных средств социальной психологической защиты требует интенсивных междисциплинарных исследований. Это – вызов отечественной науке, которая и сама нуждается в реабилитации и восстановительной программе.

¹³ Г.В. Осипов особо подчеркивает: «Идея социальной справедливости (как и идея государственности) занимает ключевое место в иерархии ценностей россиян». Это – большая тема, которая прямо связана с кризисом легитимности политического порядка в 90-е годы, хотя она остается актуальной и в настоящее время.

Это краткое описание целостной программы прикладной социологии, осуществленной за последние двадцать лет под руководством Г.В. Осипова, уместно завершить выводом, который сделал он сам: «Без введения социологии в систему научного управления российским обществом страна обречена и впредь, раз за разом, переживать дорого обходящиеся людям ошибки и упущения».

Литература

1. Осипов Г.В., Локосов В.В. Социальная цена неолиберального реформирования. М., 2001.

2. Батыгин Г.С. «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук. – В кн. «Социальные науки в постсоветской России». М.: Академический проект, 2005.

3. Заславская Т.И. Перестройка и социализм. - Постижение. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс. 1989.

4. Эмсден А., М. Интрилигейтор, Р. Макинтайр, Л. Тейлор. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики. - Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание». 1996.

5. Яковлев А. О перестройке, демократии и “стабильности”. - “Независимая газета”. 2003, 2 декабря.

6. Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок. – «Вопросы философии», 1992, № 5.

7. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль. 2003.

8. Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости. 1991.